

Юлия Клименко
АРХИТЕКТОРЫ МОСКВЫ

И.Э. ГРАБАРЬ

ББК 85.11
УДК 72
К 49

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации
и рекламы города Москвы*

Клименко Ю.Г.
К 49 Архитекторы Москвы. И.Э. Грабарь – М.: Прогресс-Традиция, 2015. –
376 с., ил.

ISBN 978-5-89826-453-6

Настоящая монография посвящена исследованию творческого наследия И.Э. Грабаря. В ней рассматривается его малоизвестный собственный опыт архитектурного проектирования и анализируется ряд его научных работ, оказавших существенное влияние на отечественную историко-архитектурную школу. Выявленные документы существенно корректируют сложившиеся представления на некоторые из его открытий в области истории московской архитектуры. Наиболее значительные из этого корпуса документов публикуются впервые.

**УДК 72
ББК 85.11**

*В оформлении книги использованы фотосъемка, рисунки и коллажи автора
(заставка, концовки, коллажи на шмуцтитулах)*

*Фронтиспис: И.Э. Грабарь. Уголок уходящей Москвы, 1930. Фрагмент.
Переплет:*

ISBN 978-5-89826-453-6

© Клименко Ю.Г., 2015
© Орлова И.В., оформление, 2015
© «Прогресс-Традиция», 2015

Оглавление

- 9 *Предисловие*
И.Э. Грабарь и история русской архитектуры в XX веке

Глава 1.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОПЫТ И.Э. ГРАБАРЯ.

СТРОИТЕЛЬСТВО КОМПЛЕКСА БОЛЬНИЦЫ ЗАХАРЬИНЫХ

- 33 Первые архитектурные увлечения
41 Григорий Антонович Захарьин
49 Проектирование комплекса больницы –
 мемориала в Куркино
53 Изучение наследия А. Палладио
58 История работы над архитектурным проектом
61 Соавторы
72 Отделочные работы
81 Анализ архитектурного проекта
103 Вилла в Зюзино
105 Между классицизмом и палладианством

Глава 2.

КАЗУС Д. ЖИЛЯРДИ.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО АРХИТЕКТОРА.

И.Э. ГРАБАРЬ ОБ АРХИТЕКТУРЕ МОСКОВСКОГО АМПИРА

- 130 Александр Николаевич Бенуа
133 А.Н. Бенуа о И.Э. Грабаре
139 «История русского искусства»
147 Отказ от участия в проекте
155 Покушение

- 162 «Разсадник искусства»
169 «Дементий Иванович»
171 История атрибуции графического наследия Д. Жилярди.
Проект иконостаса для мавзолея

Глава 3.

*В. БАЖЕНОВ И Н. ЛЕГРАН. ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ
В АРХИТЕКТУРЕ МОСКОВСКОГО КЛАССИЦИЗМА*

- 195 Доклад И.Э. Грабаря 1947 г. о «загадках в архитектуре
московского классицизма»
201 Николая Легран
205 Монография И.Э. Грабаря о творчестве Баженова. 1951 г.
208 Текст доклада 1947 г. и его опубликованная версия 1951 г.
213 О роли скульптурного убранства в архитектуре
московского и французского классицизма
221 Об особенностях конструктивного решения в творчестве
французских и русских мастеров.
«Одностолпные палаты»
235 Дом П.Е. Пашкова в Москве
241 Декрет о борьбе с космополитизмом
- 257 *Заключение*

Приложения.

*НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ И.Э. ГРАБАРЯ
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ. ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ*

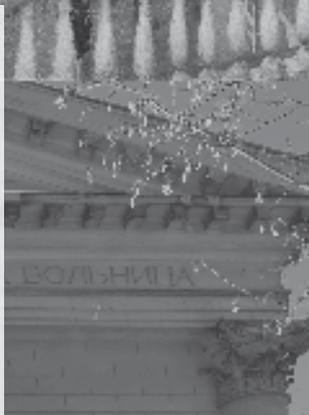
- 269 *Приложение к главе 1.* Больница имени С.Г. Захарьина
в имении Куркино
275 Письма и телеграммы
300 Список архитектурных работ И.Э. Грабаря.
301 *Приложение к главе 3.* Архитектурные загадки
старой Москвы

302	<i>Тезисы доклада академика И.Э. Грабаря «Архитектурные загадки старой Москвы»</i>
306	<i>Доклад И.Э. Грабаря</i>
329	<i>Рукопись И.Э. Грабаря</i>
330	<i>Дополнительный конец статьи И.Э. Грабаря</i>
332	Сравнение текстов И.Э. Грабаря 1947 г. и 1951 г.
367	<i>Список сокращений</i>
368	<i>Список литературы</i>

Глава 1.

*АРХИТЕКТУРНЫЙ ОПЫТ И.Э. ГРАБАРЯ.
СТРОИТЕЛЬСТВО КОМПЛЕКСА БОЛЬНИЦЫ
ЗАХАРЬИНЫХ*

В ЭТОМ ДОМЕ
С 1936 по 1957 год
ЖИЛ И РАБОТАЛ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
МАСТЕР ЭККАЗЬЕЛОВА
И.Э. ГРАБАРЬ

Я ... застрял на постройке Захарьинской больницы ... Увлекаюсь этой работой так сильно, как не увлекался кажется, еще никогда ничем, и смею надеяться, что этот архитектурный городок в истории нашего зодчества займет не последнее место¹

Из письма И.Э. Грабаря А.В. Щусеву

Архитектурные искания рубежа XIX–XX столетий увлекали многих интеллектуалов и дилетантов. Идеи самоидентификации в древней профессии архитектора требовали незаурядного таланта не только в поисках новых стилистических направлений, но и в глубоком изучении и умелом использовании исторического опыта прошлых достижений. Интерес к выявлению незаслуженно забытых архитектурных имен и их достижений сочетался с желанием возрождения этих произведений. Причем это желание оказывалось обоюдным как для зодчих, так и для заказчиков эпохи Серебряного века. Увлечение различными эстетическими, интеллектуальными и философскими темами нивелировало грань между древним и современным, отечественным и иностранным. Именно этот широкий диапазон знаний с глубоким историческим багажом необходимо учитывать для того, чтобы понимать и оценивать многие из художественных и архитектурных достижений, созданных в этот период.

Сегодня спустя столетие, на фоне изученности активной деятельности практикующих архитекторов столичного Петербурга, обращение к творчеству И.Э. Грабаря как «архитектора одной постройки» может показаться на первый взгляд малозначительным. Однако именно такие незаурядные личности своими энергичными исканиями, открытиями, собственными взглядами оказывались порой способными существенно влиять на атмосферу архитектурного сообщества. По этой причине роль этого москов-

ского зодчего определяет не только масштаб его строительной практики, но и многочисленные аналитические тексты, как подготовленные к публикации, так и написанные в ходе частной переписки. Таким образом, внимательное изучение максимального количества доступных документальных свидетельств, раскрывающих взаимоотношения И.Э. Грабаря с заказчиками и другими архитекторами, позволяет воссоздать достоверную историю появления архитектурного замысла и его метаморфозы в процессе строительства*.

* * *

Рожденный в Будапеште, Игорь Эммануилович Грабарь в раннем детстве был перевезен в Россию, где обучался под фамилией Храбров в Рязанской губернии, московской гимназии, Петербургском университете на юридическом факультете, Академии художеств и в мюнхенской художественной частной школе. Вдали от горячо любимых родных, встреч с которыми он всегда ждал, прошло его детство и юность. Потребность в общении с семьей приучила его к регулярным письмам, которых он писал много и быстро, доверяя бумаге самые сокровенные мысли и пересказывая события, наиболее яркие и значимые. Вероятно, эта обширная корреспонденция заменяла ему дневники. Написанные строки рисуют психологический портрет автора и его особый взгляд на происходящее, которое порой существенно отличалось от версии им изложенной. Эта способность характеризовать проблему с выгодных ему сторон позволила будущему исследователю активно использовать это качества в дальнейшем. Вместе с тем возможность некоторой корректировки в описании самых драматичных и порой трагических событий, которыми была полна судьба художника, позволяла ему всегда сохранять позитивный настрой и активную работоспособность.

Богатое эпистолярное наследие И. Грабаря из частных собраний, а также распределенное по фондам нескольких государ-

* Фотосъёмка архитектурных памятников, чертежи, схемы, выполнена автором в 2013 и 2015 гг

*Ф.А. Малявин.
Портрет художника
Игоря Грабаря. 1895 год*

ственных учреждений и лишь частично опубликованное, ярко подтверждает насколько одно и то же событие в письмах к разным адресатам получало совершенно различные оттенки в описании, вплоть до кардинального изменения сути происходящего. Умение манипулировать вниманием читателя пригодилось в последующей деятельности ученого. Благодаря сохранности писем мы имеем возможность проследить за историей реализации ряда творческих начинаний И. Грабаря, в том числе и за развитием замысла по созданию проекта больницы Захарьиных и его воплощением в жизнь.

Первые архитектурные увлечения

По утверждениям И. Грабаря, с самых ранних лет сформировались его художественные предпочтения и лидерские качества. О своем страстном желании рисовать с детства он вспоминал на страницах своей «автобиографии»², написанной им в 1930-х годах³. Копируя иллюстрации российских журналов, он *«целыми днями рисовал, изводя пропасть бумаги»*⁴. Его любимыми рождественскими подарками *«всегда были какие-нибудь рисовальные принадлежности»*. Кроме художественных наклонностей за ним с детства замечали стремление к управлению окружающих. Ещё в имении деда И. Грабарь предпочитал руководить коллективом детворы, отмечая в собственных воспоминаниях: *«Несмотря на то, что во всей этой детской компании были ребята старше меня, я почему-то безапелляционно командовал отрядом, затевая игры и руководя ими»*⁵.

Среди первых увлечений архитектурой И.Э. Грабарь описывал с воодушевлением свой первый детский опыт в строительстве: *«Игры были не совсем обычными детскими забавами. Восьми лет от роду я задумал строить в саду огромный дом, такой, чтобы в нем можно было свободно помещаться детям, – настоящий дом, с печами, потолками, окнами, дверями, крышей и чердаком. Дом был каменный, сложенный из настоящих строительных материалов – камня, кирпичей, деревянных балок, досок и даже железа»*⁶.

Всё предопределяло будущий интерес И. Грабаря к архитектурной практике, даже название местности, в которой происходили эти события. Именно в селе ЧЕРТЕЖ, расположенном в Карпатских горах – в имении своего деда, – провел свое детство будущий художник, архитектор и реставратор. В намерении убедить всех читателей в триумфальном успехе детской строительной затеи автор сообщал: *«А дом действительно вышел на славу – настоящий дом, в котором мы даже могли жить. Он производил сенсацию среди приезжавших к нам из далекой России дедовских друзей. Помню, какой гордостью наполнилось мое сердце, когда один из них... сказал после осмотра дома, обращаясь к дедушке: – Ну, ваш Игорь будет знаменитым зодчим»*⁷.

В ожидании исполнения этого прогноза И. Грабарь провел несколько лет за партой гимназии, университета, Академии художеств, а также школах Мюнхена. На протяжении всего долгого периода своего обучения он неоднократно обращался к архитектуре, так привлекавшей его внимание. Игорь Эммануилович отмечал, что с молодости особо ценил коллекции архитектурных проектов, «собrania драгоценных увражей по искусству». Он использовал любую возможность погрузиться в их изучение.

Обучаясь в Петербургском университете, кроме вечернего рисования он подрабатывал чтением у сенатора Ф.М. Дмитриева. В его квартире близ Литейного (Манежный переулок, д. 8) И. Грабарь приобрел знаний не меньше чем в университете⁸. Кроме возможности изучать его богатейшую библиотеку он узнавал об архитектурной жизни императорского двора XIX столетия. *«Федор Михайлович имел решающее влияние на формирование моих тогдашних ... симпатий и вкусов... Там же, у камина, я слушал его бесконечные рассказы из жизни старой Москвы и старого Петербурга. В пятидесятых годах он был личным секретарем великой княгини Елены Павловны, ездил с ней за границу, видал и знал всю литературную и артистическую публику, окружавшую ее в Ораниенбаумском дворце. Я впервые от него услышал имена славных петербургских зодчих, которых до тех пор не знал: Росси, Стасов, Александр Брюллов, Монферран, Воронихин, Старов, Бренна, Кваренги, Ринальди, Растрелли. Передо мною открылась*

Санкт-Петербург. Здание 12 коллегий. Университет

совершенно новая область, я стал приходить к нему до восьми часов – часам к четырем, чтобы, не отрываясь, читать всевозможные мемуары о старом Петербурге и старой Москве. Он давал мне к ним множество дополнительных сведений ... рассказывая анекдоты и были. Интересом к старине я всецело обязан Дмитриеву, он же привил мне вкус к мемуарной литературе и архивным исследованиям, определив в значительной степени мои дальнейшие пути и перепутья»⁹.

Приезжая к родителям на каникулы в Тарту, И. Грабарь стремился «обложиться архитектурными увражами, благо Юрьевская библиотека была древнейшей в царской России»¹⁰. После анализа этих изданий И. Грабарь возвращался к занятиям в Мюнхене «другим человеком», осматривая архитектуру города с новым интересом: «Я ... неожиданно открыл, что здания ... – все это прекрасные сооружения начала XIX века, блестящие образцы архитектуры эпохи классицизма». Необходимость поделиться впечатлениями, желание больше узнать об этих произведениях и времени их создания, интерес к изучению особенностей местной строительной школы позволили русскому ученику познакомиться с архитекторами и студентами. «Архитектурные беседы сблизили меня с несколькими учениками политехникума... Я стал к ним ходить и понемногу втягивался в архитектуру»¹¹. Вскоре его познакомили с «профессором строительного искусства и ректором политехникума Тиршем, который, – писал И.Э. Грабарь, – стал меня всерьез направлять по новой линии. Появились у меня чертежные принадлежности, доска, рейсшина, готовальня.

Я обложился учебниками математики, механики и всякими строительными курсами, а затем стал ходить в политехникум. Читая книгу за книгой и проделывая все проектные работы, я к 1901 году прошел весь курс политехникума. В это время у меня накопилась уже порядочная библиотека старинных архитектурных книг, начиная с Серлио, Альберти, двух первых изданий Палладио, Скамоцци и до авторов эпохи классицизма включительно. Отъезд в Россию помешал мне держать экзамен на звание архитектора»¹².

Чрезвычайно любопытны яркие описания архитектурных пейзажей, оставленные молодым художником. Его первые эмо-

циональные впечатления о Москве, Петербурге, а в дальнейшем и других западноевропейских столиц сменялись глубоким градостроительным анализом, не всегда совпадающим со всеобщим мнением. Восторг знакомства с городом перерастал в преданную любовь. Так, в 1889 г., впервые попав в российскую столицу, он писал: *«Петербург поразил меня своей нарядностью, шириной улиц, высотой домов, уличным движением. Вот она столица, думал я ... Недаром Москву называют большой деревней. Я жадно вглядывался в ровные ряды разноцветных пятиэтажных зданий, особенно насторожившись при проезде через Невский проспект и Литейный мост. В этот первый чудесный осенний день Петербург показался мне сказочно прекрасным, со сверкающей вдали Адмиралтейской иглой, синей Невой, гранитной набережной и Петропавловским шпилем. Таким он остался для меня с тех пор навсегда: самым красивым городом Европы»*¹³.

Летом 1895 г., оказавшись в Берлине, он записал: *«Я чувствовал себя на седьмом небе. Мне решительно все нравилось: и необыкновенная чистота улиц, и непривычное для глаз огромное уличное движение, и пиво, и музеи. В последних я проводил целые дни»*¹⁴.

Посетив Константинополь, с его лучшими памятниками, И. Грабарь раздумывал, что *«об этом дивном путешествии можно было бы написать целую книгу... София произвела незабываемое впечатление идеальным разрешением проблемы пространства»*¹⁵. Еще более удивительными оказались архитектурные памятники Афин и Древнего Египта. *«Никакие картины, фотографии и макеты не дают представления о том, что такое Акрополь и как он расположен...Это просто непередаваемо словами»*¹⁶. Впрочем, увиденный через пять дней *«Храм Луксора, с его гигантской колоннадой, заставил забыть Акрополь: невероятный масштаб, простота форм и архитектурных решений показали более совершенными, чем даже Парфенон»*. В своем письме из Фив путешественник с восхищением описывал изобретательность плана и выбранного места для строительства: *«не на горе, как Акрополь, а пожалуй еще гениальнее: у склона ее с таким расчетом, что медленно повышаясь, храм врастает в скалу, которая служит ей фоном...»*¹⁷. Многочисленные письма, почтовые карточки и фотографии, отпра-

ленные им из путешествия, свидетельствуют, что каждый новый город приносил ему всё более яркие потрясения и переживания. *«Никакие описания и книги не могут дать представления о том гигантском искусстве, которое создали Рамзесы и Аменофисы. Даже впечатления Акрополя побледнели»¹⁸.*

Особое место в жизни И. Грабаря заняла архитектура Венеции. Впервые увидев город, художник *«...сразу утратил чувство реальности. Где я, что я? Во сне ли, или наяву? Дивная, волшебная, застывшая в веках сказка, старая ведунья, вечно юная и прекрасная, околдовавшая своими чарами сразу на всю жизнь, захлестнувшая своими грезами и отбросившая, как ненужный хлам, все мысли и чувства, принесенные сюда извне, с материка. Я много раз после того бывал в Венеции и каждый раз только сильнее покорялся ей... Первые дни я ходил как шальной»*, – писал И. Грабарь, находясь под впечатлением архитектурного лабиринта площадей, каналов, переулков и закоулков этого города, *«где без плана нельзя шагу ступить, не рискуя заблудиться»¹⁹*. После Венеции он посетил Болонью, Флоренцию и Пизу, но ничто его так не захватило. Однако оказавшись *«в Риме я вновь захлебывался от впечатлений»²⁰*.

Впоследствии художник признавался, что более глубокое внимание к архитектурным вопросам проявилось только при втором посещении Венеции. Именно тогда *«...впервые я пережил глубокое волнение перед памятниками архитектуры: собором Св. Марка, Дворцом дождей, дворцами канала Гранде. Но наибольшее впечатление оставили создания Сансовино – библиотека, палаццо Корнер, палаццо Лоредано, Лоджетта, золотая лестница Дворца дождей и Андреа Палладио – фасады церквей Реденторе и Сан-Джорджо Маджоре, зал четырех дверей во Дворце дождей»²¹*. Путешественник увозил с собой купленные фотографии и архитектурные ведуты с фасадами А. Палладио, вероятно, уже предчувствуя возникновение в будущем потребности в этих композициях при погружении в самостоятельное проектирование.

Эти архитектурные уроки вместе с полученными политехническими навыками пригодились впоследствии И.Э. Грабарю неоднократно. Сразу после возвращения из Мюнхена в Россию, он

летом 1901 года навестил своих родителей в Адлере, взявших в аренду участок земли под застройку. Здесь на побережье в трех верстах от города его семьей была построена «сараеобразная хибарка», которую собирались перестроить в дальнейшем. И.Э. Грабарь лично спроектировал новый дом, который спустя несколько лет и был построен не без его участия: *«Позднее я даже выстроил порядочный двухэтажный дом по составленному мною довольно затейливому проекту ... В течение всего лета 1908 года в Адлере происходила постройка по моему проекту дома»*²². Неизвестно о судьбе и архитектурной стилистике этого замысла и габаритах здания. Но именно из-за приезда И. Грабаря в Адлер с деньгами для продолжения строительства, в сентябре 1908 г. художник был ограблен. После покушения он лишь чудом остался жив. После тяжелых операций И.Э. Грабарь медленно возвращался к работе, и для восстановления сил ему рекомендовали отдых в теплом климате, отчего он в мае 1909 г. отправился в южное путешествие на два месяца, во время которого ему удалось посетить Грецию, Египет, Италию, Испанию, Францию и др. После возвращения в Россию он погрузился в другие художественные проекты, помешавшие участвовать в завершении строительства дачи в Адлере. В письмах к брату он с сожалением сообщал о невозможности способствовать дальнейшим работам из-за отсутствия времени и финансов²³.

Его следующий опыт архитектурного проектирования связан с созданием в подмосковной усадьбе Захарьиных больничного комплекса. О его строительстве спустя два десятилетия И.Э. Грабарь сообщал на страницах своей «Автобиографии» лишь краткие сведения, не вполне отвечающие ныне выявленным документам. Однако в годы издания его воспоминаний участники этого проекта уже не могли опровергнуть предложенную автором версию событий.

В 1909 г. узнав о возможности участвовать в намечающемся строительстве, И. Грабарь всецело погрузился в новую для него работу. Как человек увлекающийся, он практически отложил все остальные дела, включая живопись и подготовку очередных выпусков *«Истории русского искусства»*. Желание реализовать

в эти годы собственный архитектурный замысел, по словам И. Грабаря, был подобен *«осуществлению наяву самых фантастических из моих грез»*. Он был абсолютно уверен в успехе, сообщая знакомым опытным практикующим архитекторам, что его *«архитектурный городок в истории нашего зодчества займет не последнее место»*²⁴. Предстоящие проектные и строительные работы не только обещали художнику экономически самые выгодные перспективы, но и широкую известность, учитывая популярность в Москве заслуг видного терапевта, диагноста и мецената Г.А. Захарьина, на средства которого предполагалось возведение больницы.

В русской литературе я знал одно имя – Л.Н. Толстой, в русской медицине – Г.А. Захарьин.

А.П. Чехов

Григорий Антонович Захарьин

Следует с сожалением признать, что сегодня имя выдающегося московского врача – терапевта Григория Антоновича Захарьина уже малоизвестно читателям. Однако его слава со второй половины XIX века была столь велика, что среди пациентов его клиники значились самые крупные и известные личности. Научные заслуги гениального специалиста были высоко оценены еще при жизни, а о его медицинских талантах диагноста и о его доходах по Москве ходили легенды. Известность его клиники на Рождественке уже в прошлом, но бывшие доходные дома на этой улице²⁵, купленные им на доходы от его медицинской практики, встречаются по сей день всех выходящих из метро «Кузнецкий мост».

Григорий Антонович Захарьин (20.02.1829, Пенза – 4.01.1898, Москва) родился в старинной дворянской семье. По окончании Саратовской гимназии в 1847 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета и после блестящей защиты в 1854 году докторской диссертации на латинском языке его назначали заведующим кафедрой, а в 1856 году – командировали в Берлин и Париж. Вернувшись в Россию в конце 1859 г., он читал собственный курс в Московском университете. В 1885 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии наук. Кроме многочисленных опубликованных научных работ Григорий Антонович возглавлял собственную клинику почти 35 лет – до самой своей смерти в 1897 году.

Григорий Антонович Захарьин (1829–98)

За эти годы он служил лейб-медиком императора Александра III, был лечащим врачом семьи Л.Н. Толстого, учителем А.П. Чехова. Благодаря его методу опроса больного – анамнезу он создал собственную систему диагностики и обеспечил славу московской терапевтической школе. Все лекции Григория Антоновича по диагностике и общей терапии были переведены на европейские языки. Таланту Захарьина-лектора посвящено немало работ. По воспоминаниям, оставленным студентами, врачами и вольными слушателями, приезжавшими ради

этих лекций в Москву, Г.А. Захарьин читал лекции совершенно по-своему. Ему не было свойственно «желание понравиться», он не претендовал на владение ораторским искусством. Однако в его аудитории всегда присутствовали студенты не только с медицинского, но и с филологического, юридического и исторического факультетов Московского университета. Согласно отзывам профессора И.Ф. Огнева, *«лекции Г.А. Захарьина были удивительно талантливы и при том вовсе не блистали красноречием... В них чувствовалась одаренность лектора, умевшего выдвинуть самое нужное и существенное, указать на значение часто, на вид самого малого признака... В лекциях все было оригинально: и короткий, ясный стиль их, и опытность, и полное отсутствие книжной мудрости, и умение приступить к больному просто, с огромным здравым смыслом»*.

Он уделял большое внимание необходимости подолгу беседовать со своими пациентами, иногда по несколько часов, ради составления верного анамнеза. Его методика комплексного лечения современному человеку может показаться совершенно очевидной и привычной. Однако в XIX столетия строгие требования врача

*Москва. Ул. Рождественка. Квартал с домом Торлецкого – Захарьина.
В доме, купленном Г.А. Захарьиным в 1888 г., проходили встречи А.Г. Подгорецкой
с И.Э. Грабарем, А.И. Клейном и А.В. Розенбергом по вопросам проектирования
и строительства больницы в Куркино*

к гигиене, диете, климатотерапии и др. многим казались нелепостью и даже самодурством.

В Москве ходило немало легенд о его характере, чудачествах и огромных гонорарах, которые он брал с богатых купцов. Однако все знали и о бесплатном лечении в его клинике, и о регулярных перечислениях огромных сумм на нужды бедных. Полмиллиона рублей Г.А. Захарьин перечислил на свою родину – в церковно-приходские школы Пензенской и Саратовской губерний. Эта сумма по тем временам была более чем великая. Он много помогал студентам, оплачивая их стажировки за рубежом, а также выделял средства на издание научных журналов.

Внимание московского сообщества к незаурядной личности терапевта, его методам и сложному характеру порождало многочисленные слухи и анекдоты. Неслучайно В. Пикуль посвятил одно из своих литературных произведений этому гениальному врачу. Привлекательность этого образа для писателя была очевидной. Собрав материал с воспоминаниями о нем, он писал: *«Москва немало смеялась над чудачествами Захарьина, но она и верила ему безоговорочно. Впрочем, не только Москва – в клинику Захарьина стекались больные со всей России»*. Однако, замечал автор, *«человек он был неуравновешенный, даже капризный, словно собранный из одних анекдотов»*²⁶.

В московскую летопись Г.А. Захарьин и члены его семьи вошли благодаря активному участию в благотворительности и меценатстве. Достаточно сказать, что они внесли значительный вклад в создание Музея изящных искусств в Москве. Александра Григорьевна Подгорецкая – дочь Г.А. Захарьина, входила в состав членов-учредителей созданного в апреле 1898 г. Комитета по устройству музея. На крупные пожертвования всей семьи указывал И.В. Цветаев: *«Получил письмо от сына Г.А. Захарьина, он и мать охотно исполняют просьбу относительно приношения музею всех скульптур Парфенона. Этот дар будет стоить 6000 рублей и заполнит собою целый зал. Мать и старшая дочь А.Г. Подгорецкая стали просить принять стоимость скульптур эпохи Возрождения с Микеланджело в центре. На эти средства были приобретены копии Луки и Андреа дела Робиа, Донателло, Микеланджело»*.

На средства Захарьиных с одобрения И.В. Цветаева были приобретены необходимые произведения по античному искусству и Ренессансу. После открытия музея директор с гордостью и благодарностью писал о создании двух залов: *«Славнейшему из ваятелей всего мира Фидию и его школе у нас посвящен особый, обширный зал, так называемый зал Парфенона. Это помещение, вызывающее своими размерами, археологическим убранством и выставленными здесь памятниками громко выражаемое одобрение также и со стороны ученых иностранцев, наши работы посещавших ... Наполнение его памятниками, собранными в Англии, Франции и Германии, принадлежит безвременно скончавшемуся сыну покойного профессора Г.А. Захарьина, Сергею Григорьевичу ...».*

Следующий зал *«блистательного и жизнерадостного итальянского Возрождения XV в. с его корифеями в скульптурном искусстве... Этот зал вышел у нас особенно богатым по количеству и свойству памятников искусства указанной эпохи. Денежные средства, доставленные комитету его действительным членом А.Г. Подгорецкой, рожденной Захарьиной, и продолжительное пребывание во Флоренции и Тоскане дали нам возможность получить для музея длинный ряд скульптур, приобретение которых для университетских музеев Западной Европы представляет лишь мечту и до последнего времени. В этих словах мы просим не видеть какого-либо преувеличения».*

Проживая в Москве, семья Захарьиных сменила несколько адресов. Долгое время Г.А. Захарьин жил при своей клинике на Рождественке²⁷. В середине 1860-х годов Захарьин купил дом на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира, № 20). Позднее он приобрел в собственность дом в Нашокинском переулке «близ Пречистенского бульвара»²⁸, как указывали адресаты на конвертах писем, сохранившихся в архивных фондах. Небольшое двухэтажное здание Г.А. Захарьин купил у Поздеевых после перестройки незадолго до своей смерти. Этот дом перешел по завещанию сначала его сыну – С.Г. Захарьину, после его вдове – Е.П. Захарьиной. Позднее усадьба принадлежала А.Г. Подгорецкой. Семейство Захарьиных жило в Москве в зимнее время,

Вид на ул. Рождественка и корпуса, занятые Университетскими клиниками. Здесь долгое время работал и жил Г.А. Захарьин. Фото 1880-х гг. (ГНИМА). Центральное место на фотографии занимает здание бывшего Воронцовского дворца (ныне МАРХИ). Его главный корпус с ионическим шестиколонным портиком и треугольным фронтоном несколько напоминает южный фасад главного корпуса больницы Захарьиных в Куркино

переезжая сюда 15 октября. Летний период они проводили в собственном имении Захарьиных вблизи деревни Куркино, расположенное в 50 верстах к северо-западу от Москвы и сегодня уже входящее в черту города.

Эти 30 десятин загородной земли в селе Куркино были приобретены Захарьиным осенью 1872 года. Григорий Антонович любил свою усадьбу, часто приезжал сюда²⁹, подолгу жил в этих живописных местах долины реки Сходни. Ради сохранения первозданной природной красоты младший Захарьин арендовал за высокую цену окружающие их дачу полевые и луговые земли, на которых он разрешал крестьянам безвозмездно пользоваться пашней. Условия долголетней аренды запрещали лишь нарушать природную красоту и тишину этих мест, строить кабаки, трактиры и заводы, устраивать свалки мусора вокруг их имения.

Москва. Ул. Рождественка со зданием медицинской клиники Московского университета 1880-е гг. Позднее было перестроено, утратив классицистический облик

Главный корпус МАРХИ. Фрагмент. Современное состояние